§ 2. Миграция, этнические, религиозные, половые, поколенческие и другие характеристики в политических и геополитических процессах

1. Миграция в национальном, наднациональном и геополитическом разрезе. Миграция и ее влияние на политику и геополитику; Миграция как глобальная коммуникация и один из механизмов Великой конвергенции. – 2. Миграция и сплоченность наций. – 3. Миграция, национальная политика и геополитика. – 4. Многоэтничность и многоконфессиональность. – 5. Изменение модели семьи, сексуальных воспитания и идентификации как фактор влияния на баланс сил и изменение мирового порядка. – 6. Поколенческие аспекты. Меньшинства и их роль. – 7. Изменение электорального состава обществ и его влияние на мировой порядок

1. Миграция в национальном, наднациональном и геополитическом разрезе

Миграция играет важную, иногда очень важную роль для ряда стран, как для тех, откуда идет миграция, так и для тех, куда она идет. Треть мигрантов – выходцы из десяти стран. Первое место занимает Индия (18 млн человек), затем Мексика (12 млн человек, почти все мигрируют в США), Китай (11 млн человек), Россия (10,6 млн человек), Сирия (8 млн человек), данные покинувших Украину разнятся, но их не менее 8–10 млн человек. Для некоторых стран и территорий роль эмиграции может быть колоссальной, особенно в связи с несчастьями этой страны. Из недавних примеров – это Сирия и Украина. Общее число мигрантов в мире растет: в 2020 г. их было 281 млн, что на 60 млн больше, чем в 2010 г., или 3,6 % мирового населения [World Migration Report 2024: xii]. Все знают о большой роли иммигрантов в США, Канаде, Австралии, Германии, Великобритании и т. д. Действительно, процент иммигрантов очень высок: в Австралии – 30 % населения, Новой Зеландии – 29 %, Швейцарии – 29 %, Канаде – 21 %, Швеции – 20 %, Германии – 19 %, Ирландии – 18 %. В России доля мигрантов, по некоторым данным, составляет 8 %. Но не все знают, что роль иммигрантов наибольшая для стран Ближнего Востока. В ряде стран иммигранты составляют большинство населения. Так, в ОАЭ приезжих – 88 % от числа жителей страны. Далее с небольшим отрывом следуют Кувейт, Катар, Бахрейн и Оман. Причем в Катаре есть еще и экстремальный демографический перекося за счет иностранных рабочих: 75 % населения страны – мужчины. В Саудовской Аравии 39 % населения – иммигранты¹⁸². В страны Ближнего Востока едут преимущественно мужчины из азиатских стран, таких как Бангладеш, Афганистан, Китай, Индия. И в странах Ближнего Востока отношение к иммигрантам жесткое. Но в этом параграфе я не буду затрагивать вопрос о роли иммигрантов в странах Ближнего Востока (см. об

¹⁸² Вышеприведенные данные взяты из [World Migration Report 2024]. Но следует иметь в виду, что многие данные приходят с опозданием на 2–4 года. В частности, в указанном докладе многие данные приводятся на 2020 г. Хорошую подборку данных см.: [Гусенко 2023].

этом: [Grinin L. *et al.* 2019]). Естественно, что столь высокая доля иммигрантов (далее для удобства я буду называть иммигрантов мигрантами) не может не влиять на ситуацию в стране. И мы увидим это подробнее на примере Западной Европы и США.

Экономическая роль миграции велика, и мы частично ее затронем. Но для нас более важны иные ее аспекты. Большое, иногда даже очень большое влияние миграция оказывает на изменение политической и геополитической ситуации в отдельных странах и в мире в целом. Тема влияния миграции обширна, мы ограничимся только некоторыми важными нюансами (об управлении миграцией, о нелегальной миграции см., например: [Алешковский 2014; Алешковский, Ионцев 2015]).

1.1. Миграция и ее влияние на политику и геополитику

Вполне естественно, что страны с растущим населением и особенно с растущей долей молодежи становятся поставщиками мигрантов. При этом миграция может идти даже из стран, где прирост населения сокращается, но доля молодежи за счет быстрого роста населения в предшествующие десятилетия высока. Таковы некоторые страны Латинской Америки, особенно Центральной Америки, через некоторое время к такой группе стран примкнет и Индия. В целом миграция является важным звеном международной и в целом глобальной коммуникации. Но, как и в любом крупном процессе, в этом тоже есть разные последствия, позитивные для одних и негативные для других. Ниже мы их рассмотрим.

В предыдущих разделах (глава 1, § 2, глава 2, § 3) мы много говорили о Великой конвергенции, которая поддерживает тренд на выравнивание уровней развития между развитыми странами и Глобальным Югом. Среди механизмов, с помощью которых такое выравнивание происходит, необходимо выделить и миграцию. Миграция – это геоэкономический фактор, который позволяет уменьшать проблемы в странах-донорах (безработица, нехватка валюты и др.) и поднимать там уровень жизни за счет переводов из стран-реципиентов¹⁸³, а также поднимать уровень культуры и производительности труда за счет заимствований, которые идут намного легче и быстрее через национальные общины за рубежом.

Миграция – это далеко не один только экономический аспект, но также политический, культурный, гуманитарный, социальный, юридический и – что особенно важно для нашей темы – геополитический. Рассмотрим некоторые механизмы влияния миграции на политические и геополитические отношения.

Во-первых, миграцию и миграционные кризисы издавна использовали как геополитическое средство или оружие, начиная с Реформации и Великой французской революции. Особенно это касается политической эмиграции в связи с переворотами, революциями, гражданскими войнами. Приграничные страны нередко дают приют таким группам, которые могут использовать эту

¹⁸³ Объем денежных переводов от мигрантов вырос с 2000 г. по 2022 г. со 128 млрд долларов до 831 млрд долларов [World Migration Report 2024].

территорию для образования военно-партизанских баз и нападений на режим в собственной стране. Тут можно привести множество примеров. Возьмите США, где историю революций можно проследить по росту эмигрантских общин. Кубинская революция 1950-х гг. создала огромную кубинскую общину, поражение во Вьетнамской войне – вьетнамскую диаспору, уход из Афганистана – афганскую и т. д. Из недавних примеров можно вспомнить миграционный кризис 2015 г. в Европе, который, по некоторым, небезосновательным слухам, усиливали США в своих геополитических целях. Нередко с волной миграции, связанной с военной или террористической опасностью, в различные принимающие страны внедряются агенты, призванные разжигать кризис в новых местах. Так, в частности, действуют филиалы запрещенной в РФ ИГИЛ в ряде африканских стран, в частности в Мозамбике.

Во-вторых, это политическая или геополитическая роль диаспор. Они используют различные стратегии инкультурации иммигрантских сообществ. Одна из них – создание параллельных сообществ. Чем больше община/диаспора из той или иной страны и чем слабее культурно-языковые требования к мигрантам, тем больше вероятность, что такие эмигрантские общины превратятся в этнокультурные автономные группы. Многие вопросы в таких группах решаются не в соответствии с законами принимающей страны, но в соответствии с привнесенными традициями и пониманиями, а также в соответствии с особенностями общины. Иными словами, общины де-факто приобретают большую автономию, становясь своего рода экстерриториальными единицами (см.: [Бондаренко 2016: 23]). И чем выше такая фактическая автономия, тем сложнее мигранты интегрируются в принимающую страну и тем сильнее могут быть противоречия между принимающим обществом и такими диаспорами. Особенно если религиозные и культурные основы у коренного и пришлого населения очень различны (как у европейцев и мигрантов-мусульман)¹⁸⁴. Указанная де-факто автономия или экстерриториальность действует иногда не только в отдельных общинах диаспоры, проживающих в разных местах новой родины, но и на уровне национальной диаспоры в целом.

В-третьих, закрытость национальных эмигрантских общин может вести к криминализации части этих диаспор и общин, их специализации на незаконной деятельности. При этом основная часть мигрантов может быть более или менее законопослушной, но определенная часть способна создавать обществу и полиции большие проблемы. Швеция – самая лояльная к мигрантам страна. Ранее это была одна из самых спокойных в криминальном отношении стран. Но по мере роста мигрантов там криминальная ситуация буквально вышла из-под контроля. О. Харви [Harvey 2024] в статье с названием «Как толерантная Швеция стала раем для сверхжестоких банд из-за свободной иммиграции»

¹⁸⁴ С другой стороны, чем больше такая община в принимающей стране, тем активнее может быть стремление остающегося населения в стране-доноре к эмиграции. Таковы некоторые страны Латинской Америки, например Сальвадор. Ранее причиной миграции в США были гражданская война, землетрясение и бедность. В настоящий момент миграция определяется уже наличием огромной (под 3 млн человек) общины в США.

пишет, что 20 лет назад преступлений с применением огнестрельного оружия здесь почти не было. Однако уже в 2022 г. в Стокгольме их было совершено примерно в 25 раз больше, чем в Лондоне. Криминализация мигрантов часто используется спецслужбами для подрывной деятельности. К сожалению, мы в России столкнулись с проблемой замыкания национальных мигрантских групп в себе и сращивания их криминальной части с коррумпированными полицейскими. Проблема возникла еще в 1990-е гг., но сегодня она стала весьма острой. Криминализация особенно усиливается, если в принимающей стране высока коррупция правоохранительных и иных органов.

В-четвертых, диаспоры используют любые возможности продвинуть свои креатуры в различные органы власти и управления, если кому-либо из членов диаспоры удастся занять какие-то посты. В результате возникает и усиливается nepотизм на национально-мигрантской почве. В ряде случаев диаспоры могут де-факто или де-юре захватывать власть, если мигрантов в каких-то поселениях становится много. Например, в рабочем городке Хамтрамк недалеко от Детройта (США) большинство населения теперь составляют мигранты-мусульмане – арабы, сомалийцы, пакистанцы, бангладешцы. В 2021 г. мусульмане получили большинство в городском совете и избрали своего мэра. Для этого они использовали свой способ голосования: массово собирают бюллетени среди членов диаспор, которым указывают, как голосовать. В итоге они смогли настроить механизм выборов так, чтобы больше никогда уже власть не отдавать. А получив власть, фактически с помощью политики демократов, они начинают выступать против них, в частности борясь с пропагандой ЛГБТ. Похожая ситуация и в соседней Миннесоте, где сомалийцы массово собирают бюллетени у своих соплеменников [Durden 2024]. В этом штате в Миннеаполисе образовалась крупнейшая сомалийская диаспора за пределами самого Сомали – так называемый «Маленький Могадишо». Уровень трудоустройства в общине мигрантов колеблется между 30 и 40 %, то есть большинство живет на пособия [Tim... 2024]. В США, Великобритании, Франции, Германии все больше политиков – мигрантов или выходцев из семей мигрантов.

В-пятых, миграционные квоты (особенно в США) давно стали и продолжают быть способом давления на разные страны или поощрения некоторых из них за лояльность или необходимость США. В частности, для этого используют так называемую лотерею green card – это некий розыгрыш виз, которые дают право постоянно проживать на территории США. Стать участником может человек с окончанным средним образованием или работником (со стажем не менее двух лет) стран, из которых мало иммигрируют в Америку. Это один из механизмов так называемой «мягкой силы» США. В самом деле, разыгрывается всего 55 000 виз, но ежегодно заявки на нее подают более 20 млн человек по всему миру [Объявлены... 2024; Грин карт Лотерея] Можно представить, какую огромную информацию получают власти и спецслужбы США в результате таких ежегодных лотерей и как ее можно использовать против разных стран.

В-шестых, миграция может быть и фактором давления на принимающие страны. Так, в частности, действовала Турция в период миграционного кризиса 2015 г., выторговывая себе уступки со стороны Европы. В отношении огромного числа украинских мигрантов в странах Европы и Америки можно сказать, что тут наглядно видны как колебания политики принимающих стран (от сверхпомощи и ущемления собственных граждан до угрозы высылки украинских мужчин военнообязанного возраста), так и попытки украинских общин (которые еще полностью не сложились) оказывать влияние на политику принимающих их обществ, недавний пример чего – их участие в протестах в Словакии.

Таковы некоторые причины, почему, несмотря на то что миграция отнюдь не является главным механизмом подъема экономики, она нередко оказывается исключительно сильным внутривнутриполитическим и геополитическим фактором. В частности, миграция – важнейшая тема разногласий между партиями США. Соответственно, демографические процессы в некоторых (в данном случае латиноамериканских) странах становятся источником очень серьезных влияний на США и Европу. А через изменение политики США они способны отразиться на всем мире.

Миграция также является исключительно важным предметом политических разногласий в европейских странах. Но поскольку, как мы говорили в главе 2, § 3, европейским центристским и левым партиям удается пока не допускать правых к власти, то в Германии, Франции и других странах политика в отношении мигрантов радикально не меняется¹⁸⁵. Зато в США с каждой сменой Демократической или Республиканской партии у власти миграционная политика может меняться очень сильно. Но в Европе, помимо прихода к власти правых, есть и более серьезная опасность. Люди вполне могут начать решать этнокультурные проблемы, радикализуясь, объявляя войну мигрантам, которых они (и нередко не без оснований) рассматривают как захватчиков. Пример Великобритании (см. ниже) подтверждает такую вероятность.

Миграция влияет на разные аспекты политики и иногда весьма серьезно. Возьмем, например, Российскую Федерацию и сопредельные с ней страны. С одной стороны, активный поток мигрантов в РФ помогает уменьшать естественную убыль населения. Но с другой – создает внутривнутриполитические сложности, которыми могут пытаться пользоваться наши противники. И теракт в «Крокус Сити» в марте 2024 г. является очень убедительной иллюстрацией сказанного. Сегодняшняя ксенофобия в России в медиа, соцсетях и частично в верхах в отношении мигрантов, на мой взгляд, сильно мешает объективно подойти к проблеме улучшения миграционной политики в РФ. Но понятно, что это результат того, что миграционная политика в стране во многом была отдана на откуп МВД. Если же брать такие страны, как Казахстан, то отъезд

¹⁸⁵ Тем не менее Брексит в Великобритании был во многом связан с недовольством миграционной политикой. А рост популярности националистических партий в Великобритании и Германии, которые теперь открыто поддерживает И. Маск, должны повлиять на пересмотр некоторых миграционных положений в европейских странах.

русскоязычного населения в РФ явно способствует ослаблению влияния РФ в Казахстане и усилению там национализма. С другой стороны, усиление конфликтности в мире или в регионе ведет часто к усилению миграций, что в свою очередь влияет на политическую ситуацию в принимающих странах и в мире в целом. Так, противостояние Украины с Россией в итоге привело к невиданной по размеру миграции, последствия которой для Европы еще не полностью очевидны.

Страны и территории, откуда приезжают мигранты (этническая метрополия), нередко используют крупные эмигрантские общины как фактор давления на принимающие мигрантов страны. Общеизвестно, что те или иные общины в США и других государствах могут оказывать сильное давление на курс внешней политики. Так например, палестинские и – шире – исламские мигранты в США в 2024 г., протестовали сначала против поддержки американской администрацией Израиля, а затем против недостаточно жестких мер в отношении Израиля. Такие протесты в итоге привели к тому, что кандидат в президенты США 2024 г. К. Харрис отказалась взять в кандидаты своего вице-президента губернатора штата Пенсильвания Дж. Шапиро, потому что он ангажированный Израилем политик, а вместо него привлекла губернатора Миннесоты Т. Уолца. Шапиро мог повлиять на настроение исламских избирателей-демократов. Это яркий пример политического (а в перспективе геополитического) влияния мигрантских диаспор. Даже давно возникшие общины могут быть таким прессом (в частности, так действует Китай в странах Юго-Восточной Азии).

Таким образом, миграция является очень важным фактором экономики и политики, а через США, ЕС и другие крупные страны важным фактором геоэкономики и геополитики.

Общеизвестно, что США всегда «прирастали» за счет иммигрантов. Сегодня это по-прежнему актуально, но с учетом, что миграционные потоки в Америке можно разделить на несколько типов. Среди легальных путей основной состоит из разного уровня рабочей силы, отягощенной семьями, в том числе и пожилыми членами семей. Он весьма большой. Второй – приток высокообразованных людей из разных стран, включая и африканские. Третий – небольшой по численности, но важный – это целенаправленное привлечение специалистов высокого класса. Почти все эти люди приезжают по грин-карте США, о которой упоминалось выше. Она дает вид на жительство, то есть право на постоянное проживание и на трудоустройство. В 2023 г. ее оформили свыше 1,173 млн иностранцев (в основном эти люди получили грин-карты по приглашению работодателей; в лотерею выиграла только небольшая часть из них). В топ-5 стран, граждане которых оформили наибольшее число грин-карт, входят: Мексика, Индия, Куба, Доминиканская Республика и Китай [Токтар 2024]. Но существует еще один массовый путь в США – нелегальная миграция, которая при Дж. Байдене стала превышать легальную¹⁸⁶. Тут преобладают люди с низким уровнем образования и квалификации. Д. Трамп, ко-

¹⁸⁶ Правда, во многих штатах нелегалов де-факто, а где-то и де-юре легализуют.

нечно, сильно завышает это число, называя 15 млн человек [Трамп... 2024], а то и больше. Более правдоподобными цифрами кажутся данные The New York Times, согласно которым во время нахождения у власти президента Дж. Байдена в страну прибыло более 8 млн человек, из которых 60 % (то есть около 5 млн) были нелегалами [NYT сообщила... 2024].

1.2. Миграция как глобальная коммуникация и один из механизмов Великой конвергенции

Говоря о миграции как глобальной коммуникации, я имею в виду то, что миграция создает каналы и механизмы, которые обеспечивают коммуникацию самых разных обществ между собой. И здесь диаспоры и общины играют огромную роль, становясь главными узлами такой коммуникации. Такие общины естественным образом канализируют, в частности, бизнес одновременно в принимающих странах и в странах-донорах, поскольку мигранты в первую очередь стремятся воспроизвести какие-то знакомые им производства или услуги (см., например, об африканцах в США: [Бондаренко 2016]). Согласно исследованию Гарвардской школы бизнеса (HBS), более изолированные этнические группы иммигрантов с большей вероятностью создают успешные предприятия в одной и той же отрасли. И, естественно, обслуживает общины мигрантов собственный, то есть мигрантский, бизнес. Вывод, который можно сделать из этого исследования, – вклад иммигрантов в экономики принявших их стран непропорционально велик, и это придает диаспорам все возрастающий вес [Серебряный 2024д]. Поскольку у многих эмигрантов высокий уровень образования [см., например: Бондаренко 2016], а главное, поскольку они в основном могут рассчитывать только на себя и на соотечественников¹⁸⁷, они массово устремляются в бизнес. Кроме того, многие из них работают более упорно, чем коренные жители. Поэтому их вклад в экономику принимающих стран может расти. В США рост вклада иммигрантов в бизнес страны отмечается давно [Pekkala Kerr, Kerr 2016; Here's How... 2020], и он растет стремительно. Предприниматели, для которых Америка не является родиной, составляют сегодня около трети (30,9 %) всех бизнесменов в США – четверть века назад таковых было только 13,3 %. В 2020 г. 21,5 % самозанятых в США оказались выходцами из других стран в первом колене (по сравнению с 14 % в начале века). В таких штатах, как Калифорния и Нью-Йорк, число иммигрантов – владельцев фирм превышает 40 % от общего числа зарегистрированных там компаний [Серебряный 2024д]. И это не только небольшие фирмы, но также крупные и крупнейшие компании. В частности, натурализованные американцы являются основателями или сооснователями таких передовых компаний, как SpaceX, Tesla, Nvidia и Google. Тут также важно отметить, что во многих случаях, когда кто-то из мигрантов становится высшим менеджером в компании, он старается далее окружить себя выходцами из своей страны. Особенно это характерно для китайцев и индусов.

¹⁸⁷ Хотя в некоторых штатах США мигранты могут иметь больше прав и привилегий, чем коренные жители.

Так или иначе на долю иммигрантов приходится 35 % всех зарегистрированных в стране изобретений и 23 % от числа практического применения инноваций [Серебряный 2024д]. Таким образом, «утечка мозгов» продолжает поддерживать Америку. Правда, в связи с расширением удаленной работы обычная миграция такого рода специалистов высокого профиля стала активно заменяться тем, что я называю «виртуальной миграцией», то есть удаленной работой. Так называемый аутсорсинг расширяется очень быстро. В чью пользу в конечном счете такая ситуация будет (развитых или развивающихся стран), покажет время. Но я предполагаю, что это, по сути, вторая волна деиндустриализации (о первой мы говорили в главе 2), которая, подобно первой, усилит Глобальный Юг и в итоге ослабит Запад. Последний станет все более зависим от огромного числа рабочей силы, которая располагается в другом конце мира. Уже давно американцы зависят от иностранных инженеров, справедливо замечает Э. Тодд [Schmeller 2024]. Едва ли не в большей степени ощущается нехватка STEM-инженеров [Striker 2024c]¹⁸⁸. В основном они приезжают из Китая или Индии, то есть из стран-конкурентов, что делает ситуацию для США очень хрупкой. Исходя из вышеизложенного, завтра США и Европа могут стать очень сильно зависимыми от азиатских программистов и других специалистов, а в условиях нарастающей в мире напряженности и необходимости обеспечить национальную безопасность на разных уровнях и в разных аспектах это исключительно опасно.

Второй момент, вытекающий из развития аутсорсинга, – усиление роли первого типа миграции, то есть недостаточно образованной, не знающей английского языка низкоквалифицированной массы, необходимой для физической работы и сферы услуг.

Итак, роль миграции для США исключительно важна. И, с одной стороны, она поддерживает мощь Америки, но с другой – ослабляет ее. Ниже мы остановимся на этом.

2. Миграция и сплоченность наций

В этом разделе я в основном ограничусь только примерами Европы и США как наиболее важными с геополитической точки зрения. Я хотел бы показать, что сплоченность европейских и американской наций (впрочем, как и канадской и австралийской) по мере усиления миграции ослабляется.

Миграция в Европу из стран Ближнего Востока, Африки и других регионов оказывает очень значимое влияние, в том числе и в плане усиления терроризма и конфликтности. Отношение к мигрантам сильно раскалывает европейские общества на тех, кто ее одобряет (левых), и тех, кто ее не одобряет (правых). В итоге миграция становится разъединяющим нации фактором.

¹⁸⁸ После STEM-учебы выпускники – это высококвалифицированные инженеры, способные решать задачи с разных сторон, а не в контексте одной технологии или научной области. По прогнозам американских аналитиков из Бюро статистики труда спрос на профессии, связанные со STEM, вырастет на 10,5 % в период с до 2030 г. В настоящее время 41 % китайских студентов получают высшее образование в области STEM, 37 % – в России и 33 % – в Иране, в то время как США отстают на 20 % [Striker 2024c].

Вспомним, что и Брексит в Великобритании (очень важное геополитическое событие) во многом случился именно по причине нежелания большинства населения поощрять иммиграцию. Протесты против иммигрантов и погромы в ряде городов Великобритании летом 2024 г. показали, что проблема с выходом страны из ЕС не только не решилась, но и еще более обострилась. Собственно, это подтверждает мою мысль, что изменить демографическую ситуацию крайне сложно, она становится новой реальностью. Ситуация же в Британии столь напряженная, что даже есть мнения, что беспорядки вполне могут перерасти в гражданскую войну (см., например: [Evans 2024; Марьянович 2024]). До войны вряд ли дойдет, но сами разговоры об этом уже большая угроза.

По некоторым прогнозам, к 2050 г. число мусульман в Европе может достигнуть 14 % [Kneifel 2024]. Но и сейчас во многих крупных городах Европы, включая Лондон, число мигрантов огромно, порой превышает число коренных жителей. В частности, те, кто относит себя к категории «белый британец», в Лондоне и Бирмингеме стали этническим меньшинством. Так, с 2011 по 2021 г. в Бирмингеме их доля снизилась с 52 до 43 %, в Лондоне – с 45 до 37 % [Хабаров 2022]. Таким образом, влияние мигрантов из развивающихся стран или их потомков на культуру Европы (и США), политику и отношения со странами их происхождения может быть очень весомым, что способно стать еще одним крупным козырем для развивающихся стран.

Несмотря на все очевидные минусы, иммиграция по-прежнему кажется североамериканским и европейским элитам самым простым решением проблемы падения рождаемости. Именно поэтому в странах с высоким уровнем дохода в период с 2000 по 2020 г. вклад чистой международной миграции в рост населения превышал баланс рождаемости над смертностью. Какими будут геополитические последствия массовой миграции, можно только догадываться [Ferguson 2024b].

Отметим, что чем важнее страна, тем сильнее влияние миграции на международную ситуацию и баланс сил. Поэтому рассмотрим ситуацию в США.

Проблема нелегальной миграции (см. выше) уже давно является одной из самых важных в политическом дискурсе США. Однако она все усиливается и в настоящее время стала еще более острой. Сегодня нелегальные мигранты составляют огромную политическую проблему, раскалывающую партии, усиливающую противостояние между центральной властью и штатами и т. п. Добавьте к этому еще и то, что иммиграция использовалась как решение политических задач. А в последние десятилетия как способ обеспечить Демократической партии в США в целом и в отдельных штатах рост электората. В последние годы при Байдене шел громадный приток мигрантов из Латинской Америки и других регионов в США. И то, что мигранты, юридически не имеющие права голосовать, фактически голосуют, создает очень серьезный перекос в политической жизни. *А внутренняя политика в США – это мощнейшее*

вливание на весь мир и мировой баланс, поскольку внутривнутриполитические интересы доминируют над внешнеполитическими в Америке.

В результате этого возникают очень серьезные проблемы. Белое население (также весьма неоднородное по своему этническому составу) по-прежнему составляет большинство населения Америки. Однако оно уже заметно сокращается, тогда как число латинос и других этнорасовых групп растет, а, соответственно, и их доля в американском населении¹⁸⁹. И в целом население в США растет главным образом за счет мигрантов, особенно за счет латиноамериканцев¹⁹⁰.

Но главное, что в связи со старением белого населения и падением рождаемости у белых, в настоящее время среди родившихся детей представители белой расы составляют уже меньше половины. Эта тенденция продолжается уже лет пятнадцать, так что теперь не только в младших, но и в средних классах небелые школьники составляют большинство. Неравномерность расселения создала штаты, где небелое население составляет очень большую часть или даже большинство. При этом среди небелого явно лидирует латинское. Среди этих штатов находятся и крупнейшие, такие как Калифорния и Техас¹⁹¹. И это конвертируется и в политическом плане вполне очевидно. Так, после выборов 2022 г. в законодательных органах штатов число латиноамериканцев в них возросло – с 344 до 376.

Не следует забывать, что каждые десять лет идут новые нарезки округов, в зависимости от того, где проживают люди, для пропорционального формирования Палаты представителей США. Соответственно, вслед за изменением состава населения меняется и этнический состав Конгресса США.

Демографические тенденции, связанные с миграцией и угрожающие американской нации, обозначились давно. И предсказаний о том, что это, в конце концов, приведет к «перепрошивке» американского общества, было высказано

¹⁸⁹ По данным переписи населения 2020 г. в США, белое не испаноязычное население за десять лет сократилось на 8,6 % и теперь составляет 204,3 млн, или 57,8 %, населения США. Это самый низкий показатель за всю историю наблюдений [Плаксина 2021]. Хотя данные тут различаются (см., например: [Бикеев 2021]), возможно, за счет учета или неучета нелегальных мигрантов.

¹⁹⁰ По данным Bloomberg со ссылкой на исследование Брукингского института, численность населения США с 1 апреля 2020 г. по 1 июля 2023 г. увеличилась на 3,45 млн человек. При этом численность белого населения сократилась на 2,12 млн человек. В то же время численность испаноязычного (латиноамериканского) населения США в указанный период увеличилось на 3,16 млн человек, азиатского – на 1,18 млн человек, чернокожего – на 601 тыс. человек [Более... 2024].

¹⁹¹ Так, в 2023 г. власти Техаса сообщили, что большинство населения в штате впервые за 150 лет стали составлять испаноязычные. Их доля, по данным статистических служб, достигла 40,2 %, тогда как процент белого населения Техаса сократился до 39,8 %. При этом Техас стал уже четвертым штатом США, где белые оказались в меньшинстве. В Калифорнии и Нью-Мексико испаноязычные по доле населения давно их обошли. А на Гавайях большинство составляют представители коренного островного народа. На очереди Аризона, Флорида и Джорджия – в этих штатах белые тоже окажутся в меньшинстве в ближайшее десятилетие. А есть еще столица США – округ Колумбия, где большинство составляют чернокожие [Дудаков 2023].

немало. Нельзя, в частности, не согласиться с С. Хантингтоном, который еще в 2004 г. писал: «Если такая тенденция сохранится, то культурный раздел между “латинос” (“испаникс”) и “англос” может оказаться линией самого серьезного раскола американского общества, играя ту же роль, что и расовое размежевание “белых” и “черных”». И хотя трансформация США, по его мнению, вовсе не обязательно будет концом мироздания, она все же будет концом тех Соединенных Штатов, какими мы их знаем последние триста с лишним лет [Huntington 2004: 141]. Прогнозы отнюдь не утешительны для Америки. Если в середине прошлого века неиспаноязычные белые составляли подавляющее большинство – 85 %, то, по прогнозам, к 2050 г. эта этническая группа едва ли будет превышать 46–48 % населения. При этом число жителей латиноамериканского и испаноязычного происхождения составит 30 % и более [Бикеев 2021].

Отсюда размывание типично американской культуры, которая была основой процветания Америки, а значит, не за горами ситуация, когда страна может разделиться по расово-возрастному признаку: белое население будет преимущественно зрелых лет и пожилым, а испаноязычное, азиатское и других меньшинств – гораздо более молодым (см.: [Гринин Л. Е. 2018б]; см. также: [Grinin L., Korotayev 2020]). Несложно представить характер будущих социальных конфликтов на этой базе: насколько способна будет эта более молодая группа обеспечить пенсии и медицинские услуги для белого пожилого и насколько будет готова это сделать. Следует еще учитывать, что южные штаты, пограничные с Мексикой, изначально населяли мексиканцы, которые в настоящий момент нередко рассматривают себя как коренных жителей, считая иногда эти штаты чем-то вроде Новой Мексики. Отсюда налицо рост самосознания латинского и испаноязычного населения, составляющего порядка около 70 млн (из общего населения в 340 млн). Как следствие, политики начинают ориентироваться на это население, а среди некоренного населения выделяется большая когорта активных политиков. Хотя это население еще чувствует себя недостаточно уверенно, но постепенно эта уверенность растет. Не стоит сбрасывать со счетов и религиозный фактор. Испаноязычные американцы в основном католики, тогда как общеизвестно, что именно протестанты сделали Америку Америкой. С другой стороны, тогда как в белой Америке уважение к религии очень сильно подорвано, среди католиков процент религиозных людей выше. Отсюда и консерватизм, который может сыграть важную политическую роль.

Как пишут Л. Е. Гринин и А. В. Коротаев [Grinin L., Korotayev 2020; Гринин Л. Е. 2018б], *американская нация не становится прочнее, напротив, с каждым годом она становится все более рыхлой, пропорции расово-этнического и языкового состава меняются с каждым годом не в пользу белого населения, впереди поляризация расовых противоречий, которая выразится зримо в возрастной структуре населения.* Все это ведет к тому, что воспроизводство населения в плане уровня образования, культуры, а также и религии, владения английским языком, деловой этикой и хваткой, стремления к экономической

независимости, законопослушности, гражданской позиции и т. п. происходит в худших условиях. И хотя многие люди из расовых меньшинств стремятся к образованию и карьере, в целом расовые меньшинства не способны заменить в полной мере выбывающие (в связи со старостью) когорты специалистов и бизнесменов¹⁹², людей определенного склада и мировоззрения, которые и составляли главный капитал Америки в течение прошедших столетий.

Выше мы видели, что диаспоры стремятся вовлекать в бизнес прежде всего своих, и также отметили проблему этнического кумовства, когда на должность высших менеджеров назначаются свои по этничности люди. Этому способствует и так называемая политкорректность, когда требуется правильная демографическая анкета. В результате этого так называемые меньшинства оккупируют высшие места, а также усиливается и неизбежное кумовство, когда топ-чиновники из меньшинств (ЛГБТ+, черные и цветные, женщины и т. п.) окружают себя подобными им. В итоге проблема неучета достоинств и таланта высших топ-менеджеров, чиновников, военных, политиков и т. д. при назначении на должности становится исключительно острой.

3. Миграция, национальная политика и геополитика

Итак, миграция меняет лицо государств, может создавать очень серьезные проблемы. Но венгерский руководитель В. Орбан ([Orban... 2024]; см. также: [Лисицкий 2024]) поставил вопрос о роли миграции более глубоко. Я бы сформулировал это примерно так: **миграция как одна из осей современных изменений в мире; как одно из главных противоречий между национальными и наднациональными силами.** Миграция выступает в такой интерпретации не просто как экономическая необходимость, связанная с демографическими проблемами, но как геополитическая стратегия Брюсселя и западных стран Евросоюза. Орбан четко формулирует эту геополитическую проблему. Запад рассматривает иммиграцию как «способ избавиться от этнической однородности, которая является основой национального государства», растворить нации и создать наднациональную общность. Когда-то такая цель была и в СССР, но, к сожалению, она провалилась, а Советский Союз во многом из-за этого распался.

Можно выделить несколько важных моментов в идеях Орбана. **Во-первых, он декларирует сильное противоречие между западными и восточными членами единой Европы.** Западноевропейские элиты активно стремятся увеличить поток мигрантов, считая, что миграция – это не угроза и не проблема, а способ избавиться от этнической однородности, которая является

¹⁹² Частичное исключение тут составляет азиатская диаспора, но кумовство, ему присущее, может свести эти преимущества на нет. Э. Страйкер [Striker 2024c] пишет, что, согласно книге Чарльза Мюррея «Лицом к реальности», средний IQ белых американцев равен 103, мезоамериканцев – 94, а чернокожих – 91. Используя эти данные, мы можем заключить, что радикальные изменения в расовом составе Соединенных Штатов за последние 40 лет произошли, в основном снизив национальный IQ. Я не в полной мере доверяю таким показателям, как IQ, но с общим выводом в целом согласен.

основой нации. В этом суть прогрессивной либеральной международной концепции. Вот почему абсурдность такого подхода не приходит им в голову или они не считают его абсурдной¹⁹³. Он рассматривает такой взгляд как специфическую идеологию, направленную на полное разрушение национального государства. Западные люди считают, что национальных государств больше не существует. Поэтому они отрицают существование общей культуры и общественной морали, основанной на национальном государстве. В то же время восточноевропейские лидеры не хотят пускать мигрантов, они дорожат целостностью наций. Причем интересно, что ни по какому другому вопросу в рамках Европейского союза между его западной и восточной частями нет такого расхождения, как по вопросу миграции. Даже всегда согласные с Брюсселем Балтийские государства тут стоят твердо (впрочем, это и понятно, растворить эти небольшие нации легко, а для них национальный вопрос – важнейший).

Во-вторых, он откровенно раскрывает геополитическую задачу Брюсселя: размыть нации и сделать Европу более управляемой, при этом полномочия, суверенитет должны быть переданы от национальных государств Брюсселю. А нации должны отмереть как устаревшая форма организации населения. «Они уже находятся в постнациональном государстве в западной половине Европы. Это не просто политически другая ситуация... это новое ментальное пространство». Можно согласиться с премьер-министром Венгрии В. Орбаном, что это новое ментальное пространство. Поэтому никакой проблемы с миграцией наднациональная, глобалистская еэсовская брюссельская элита не видит. Но ее видят люди, дорожащие национальной идентичностью и культурой.

В-третьих, можно делать вывод, важный для нашей темы, что демография все заметнее становится национальной идеей¹⁹⁴. Если вы не хотите мигрантов, тогда нужно увеличивать рождаемость. А для этого нужна идеология и много специальных мер. В. Орбан говорит, что венгерская точка зрения другая, чем у Брюсселя, поэтому правительство сейчас принимает меры для обеспечения устойчивой социальной структуры и первым шагом является борьба с демографическим спадом в Венгрии. «К 2035 г. Венгрия должна быть демографически самодостаточной. Не может быть и речи о том, чтобы население замещалось за счет миграции. Западный опыт показывает, что если гостей больше, чем хозяев, то дом перестает быть домом. Здесь не следует рисковать». Насколько это удастся – большой вопрос. Но в любом случае это лучше, чем не обращать внимание на демографическую политику [Orban... 2024].

¹⁹³ Не стоит, конечно, забывать и о чисто прагматических причинах такой политики – возможность обеспечить победу левых на выборах (мы говорили об этом в главе 2).

¹⁹⁴ Обратим внимание, что и в России она становится постепенно национальной идеей. Я считаю, что ее надо открыто и четко формулировать именно как ядро национальной идеи нашей страны. Необходимость спасти нацию от депопуляции, чрезмерного старения и дефицита трудовых и военных ресурсов в течение ближайших десятилетий. Подробнее об этом см. в Заключении.

В-четвертых, В. Орбан говорит о глубоком и расширяющемся противоречии между глобалистской езовской элитой и населением западноевропейских стран, которым сильно не нравится наплыв мигрантов и все с этим связанное. Отсюда идет поправение настроений. Кроме того, венгерский политик отмечает, что общества становятся все более резистентными (невосприимчивыми) к миграции, гендеру, войне и глобализму, то есть к основным идеологическим доктринам. И это создает политическую проблему элит и народа, элитизма и популизма. Важное его наблюдение, что это доминирующее явление в западной политике сегодня. Это означает, что элита осуждает народ за то, что он дрейфует вправо. На чувства и идеи народа навешиваются ярлыки ксенофобии, гомофобии и национализма. Народ же в ответ обвиняет элиту в том, что она не заботится о том, что важно для него, а погружается в какой-то бездумный глобализм. Как следствие, элита и народ не могут договориться друг с другом о сотрудничестве.

В-пятых, Орбан говорит о росте недемократических тенденций и, по сути, о кризисе демократии. Описанный выше раскол элиты и населения ведет, по его словам, к ситуации, когда есть элита, которая не хочет представлять народ и – что особенно важно – гордится тем, что не хочет его представлять, и народ, который не представлен. Но если народ и элита не могут договориться о сотрудничестве, как же тогда может получиться представительная демократия, спрашивает он. Тут добавлю: поскольку правящие политики в Европе во многом стали не избранниками, а назначенцами США и европейских глобалистов (см. ниже), они перестали быть столь зависимыми от настроений народа.

Орбан отмечает, что не все на Западе довольны демографическими преобразованиями, происходящими в их странах, и во многих случаях большинство населения выступает против продолжения массовой иммиграции. Это, в свою очередь, привело к резкому усилению репрессий инакомыслящих и все более недемократическим тенденциям в западных странах. Таким образом, постнациональная ситуация, наблюдаемая на Западе, имеет последствия, которые сотрясают демократию [Orban... 2024].

Таким образом, мы видим, что вопрос миграции, воспроизводства населения, национальной идентичности очень тесно связан с политикой, национальной идеей, наднациональными тенденциями, в целом с геополитикой, возможным кризисом Европейского союза. Он также связан с усилением внутринациональных противоречий, отчуждением между элитой и населением, при этом первая использует все политические и пропагандистские технологии для проведения своей политики, не брезгует и уголовным преследованием и остракизмом, ущемлением прав и свобод, занимается постоянным оболваниванием населения.

Чего не сказал в своем глубоком интервью Виктор Орбан, что Брюссель действует таким образом не только в собственных, но и в американских интересах, поскольку единая Европа потеряла суверенитет и геополитическую идентичность. Об этом хорошо сказал Э. Тодд. Парадоксально, отмечает он,

что в результате расширения Евросоюза на Восток значительно усилился контроль Соединенных Штатов над своим «европейским протекторатом». Историк констатирует удивительный исторический факт: национальные элиты Европы, успешно завершив антинародный олигархический проект в своих странах, решили самоликвидироваться в пользу Соединенных Штатов. Все те, кто был поборником самостоятельной европейской идеи, вдруг стали сторонниками агрессивного атлантизма. Они передали все национальные полномочия Брюсселю и Еврокомиссии, но в первую очередь НАТО [Добров 2024а; Schmeller 2024]. Характерно, что Тодд употребляет вслед за Т. Саррацином термин «самоликвидация» [Sarrazin 2010; Саррацин 2012].

Таким образом, демографические проблемы очень часто выступают как водораздел в политической борьбе.

В связи со сказанным стоит обсудить одну очень важную тему – будущую форму этнополитической общности, следующую за нацией. Л. Е. Гринин [2009а: 114] говорил о том, что с конца XX в. можно говорить о формировании нового типа политической организации обществ – **надгосударственного**. Очень актуальной становится необходимость найти оптимальный компромисс между суверенитетом, демократией и национальным эгоизмом, с одной стороны, и готовностью к интеграции в региональные и мировое сообщества с неизбежными жертвами – с другой. Но ученый одновременно подчеркивал, что, хотя и приближается конец эпохи зрелых государств, на смену которой идет новая – надгосударственная и наднациональная – стадия политического развития мира, это сложный, отнюдь не столь быстрый и весьма не прямой путь [Гринин 2010: 296–297]. Кроме того, нельзя не добавить, что в этот процесс активнейшим образом вмешиваются США, пытаясь разложить крепкие нации (и устранить сильных лидеров), которые мешают их геополитическим планам. Развивая идеи Л. Е. Гринина об этнополитических формах объединения, стоит подчеркнуть, что крепкие и сплоченные нации формируются прежде всего в рамках сильных государств. Вне такой оболочки формирование крепкой нации крайне затруднено. Соответственно, и наднациональная общность (очертания которой еще не очень понятны) может сформироваться только в рамках крепкого наднационального образования. Но Европейский союз отнюдь не представляет собой крепкого наднационального образования. Мало того, он вполне может распасться при катаклизмах. Соответственно, и наднациональная общность образоваться в таких условиях не может. А с учетом того, что ЕС не имеет и реального суверенитета, это тем более затрудняет такую сложную трансформацию. Поэтому всякие попытки размыть и разложить нации в странах, входящих в ЕС, выполняют лишь разрушительную роль. Да, с позиции глобального подхода миграция полезна, так как сближает уровни развития развитых и развивающихся стран. Но это сближение может быть достигнуто и без разрушения наций в Европе. Можно считать, что необходимость сохранить европейские нации не менее важная задача для Мир-Системы, чем уменьшить неравенство между нациями.

И хотя с общечеловеческой точки зрения будущее, вероятно, за наднациональными общностями, но это очень далекое будущее. А забегать вперед, разрушая, не имея плана и возможностей создать новое – далеко не лучший путь развития.

4. Многоэтничность и многоконфессиональность

Многоэтничность и многоконфессиональность, с одной стороны, являются крупным источником нестабильности в странах с такими характеристиками, а с другой – возможностью для соперников или гегемонов активно влиять на политику тех или иных стран, инициировать протесты, перевороты, отделения, революции и т. п., а также использовать как повод для давления и вмешательства во внутренние дела. Примеров тут более чем достаточно. События только в бывшей Югославии могли бы быть печально неисчерпаемым источником [Khodunov 2022; Grinin L., Grinin A. 2022b]. Остановимся только на некоторых примерах.

Уйгурские протесты и якобы притеснения мусульман в Уйгурском автономном округе являются уже стандартным поводом для США и Европы устраивать обструкции Китаю (например, во время Олимпийских игр в Пекине в 2008 и 2022 гг.), а также призывать к санкциям и активизировать против Китая исламский мир. В результате уйгурский национализм, замешанный на религиозной основе, остается существенным фактором возможной нестабильности в регионе на длительный период [Гринин Л. Е. 2021д].

Протесты в Иране в 2022–2023 гг. также проходили особенно активно в национальных районах, особенно азербайджанских. Эти протесты США раскачивали всячески возможным образом, пытаясь свергнуть режим в Тегеране. Это давнее желание резко усилилось в связи с тем, что Иран стал оказывать военную помощь РФ для СВО. Давно беспокоило и в иранском Белуджистане [Ходунов 2015]. О том, что США (вместе с Израилем) всячески пытались ослабить исламистский режим О. ал-Башира в Судане, мы уже говорили в главе 2, § 3. США, в частности, поддерживали сепаратистов-христиан в Южном Судане (в Северном Судане живут мусульмане) много лет, пока не добились в 2009 г. отделения Южного Судана (который очень быстро был признан также под давлением США).

Этно- и конфессиональные противоречия внутри стран могут вызывать и крупные конфликты, которые влияют на мировую ситуацию, а также и баланс сил. Революция в Сирии в 2011 г. переросла в гражданскую войну (см. историю событий: [Гринин и др. 2016; Ахмедов 2023; Akhmedov 2022]). Далее события переросли в интервенцию и вмешательство целого ряда стран, включая и Россию. Завязался очень серьезный узел геополитической и вооруженной борьбы. В итоге гражданской войны в Сирии произошло возникновение на территории Сирии и Ирака печально знаменитого ИГИЛ (запрещен в РФ). Эти события не в последнюю очередь объясняются много этноконфессиональностью Сирии (в том числе проживанием на севере суннитов, поддержавших

ИГИЛ). Хрупкое равновесие между этносами и конфессиями в Сирии было нарушено вмешательством извне. В конечном счете власть в Сирии в 2024 г. захватили исламские радикалы. Ирак – это еще один пример дестабилизации под влиянием конфессиональных раздоров. При этом Ирак – яркий пример того, как разрушение крепких (пусть и со множеством пороков) политических режимов в странах со слабой традицией государственности ведет к дезинтеграции этих стран (см. главу 2, § 3). Вторжение США в Ирак, свержение режима С. Хуссейна и попытки внедрить демократию в страну, не готовую к ней, не готовую не только в плане традиций, но и по причине разной конфессиональности (суннитов, шиитов и др.), привели к печальным последствиям. И деятельность запрещенного в России ИГ теперь отзывается разгулом революционного исламистского терроризма во многих странах Африки.

Индия и Пакистан с самого своего возникновения начали конфликтовать из-за принадлежности некоторых территорий и из-за того, что мусульмане, оставшиеся в Индии, тяготели к Пакистану, а индусы, остававшиеся в Пакистане, – к Индии. Неоднократные конфликты Индии и Пакистана не только вызывали напряженность в мире, но способствовали формированию определенных блоков и союзов, например Китая и Пакистана. Китай, у которого были трения с Индией, в пику ей поддерживал Пакистан. Конфликты и соперничество между этими двумя странами привели к тому, что обе они стали ядерными державами.

Очевидно, что этническое многообразие делает страну менее крепкой по сравнению с многоэтнической страной, особенно если разные национальности имеют собственные автономии. Распад СССР и Югославии очень ярко иллюстрируют это. А распад такой крупной многоэтнической страны, как СССР, колоссально влияет на мировой баланс и мировой порядок. И в каких-то случаях подобные коллапсы могут повториться в Азии и Африке. В частности, сепаратизм в Индии весьма силен и при ослаблении центральной власти может еще более поднять голову. Очень серьезными были и остаются противоречия между индусами и сикхами (особенно в провинции Пенджаб), но особенно масштабными являются противоречия между индусами и мусульманами. Мусульмане являются меньшинством в громадной по населению Индии, но это меньшинство огромно – более 200 млн человек. И в некоторых штатах, например в Джамму и Кашмир, который явился источником индо-пакистанского противостояния уже с момента раздела Индии, мусульмане составляют в среднем 2/3 населения, а в собственно Кашмире – 97 %. Естественно, что конфронтация религиозных общин здесь становится источником очень серьезных проблем (подробнее см.: [Гринин 2021д]). С учетом того, что территориальный спор за районы этого штата между Индией и Пакистаном не решен и вряд ли будет решен, все это становится серьезным геополитическим очагом напряженности.

Таким образом, многоэтничность и многоконфессиональность являются важным фактором в геополитической картине современной Мир-Системы.

5. Изменение модели семьи, сексуальных воспитания и идентификации как фактор влияния на баланс сил и изменение мирового порядка

Кризис семьи и деградация идеологии пола. Падение рождаемости в западных странах усугубляется и все более серьезным кризисом семьи. Кризис семейных отношений начался не сегодня, а, по меньшей мере, с середины XX в. (в ряде отношений и ранее). Но длительное время он в основном выражался в росте разводов, феминизации права и отношений, при которых роль мужчин в семейной жизни и воспитании детей сокращалась. Также очень сильно выросла доля пар, живущих вне официального брака. Число таких пар в ряде стран превышает число пар, состоящих в зарегистрированном браке. Институт брака оказался сильно ослабленным. Затем очень быстро стало расти число детей, рожденных вне даже неофициального брака у одиноких женщин (называемых в России матерями-одиночками).

В настоящее время, однако, усилились такие черты кризиса семьи, которые влияют не только на падение рождаемости, но и на модель семьи в целом (а эта новая модель, к сожалению, далее может активно воспроизводиться у подрастающего поколения). Речь идет не только об однополых семьях и легализованных однополых браках, но и о том, что распространяется модель семьи, у специалистов именуемая «открытым браком», то есть когда супруги по договоренности считают измену нормой, если оба супруга об этом договариваются. Это так называемая «шведская семья», когда половые партнеры живут втроем, свингеры, которые добровольно обмениваются партнерами, а также другие формы сожителства [Серебряный 2024в]. Очевидно, что все это разрушает общество, деформирует воспитание детей, подрывает возможности роста рождений.

Все это резко усугубляется гендерной политикой, навязываемой ЛГБТ+ и различными обществами и поддерживаемой теперь правительствами, а также медиа и пр. Все это в огромной степени контролируется глобалистами, которые рассматривают ЛГБТ+ как свой актив, который может двигать вперед необходимую им повестку. Мы подробно рассматривали историю, причины, движущие силы, формы и методы такого сращивания между глобалистами (то есть силами, которые пытаются встать над правительствами, используя мощь США и западных стран) и различными формами ЛГБТ+, феминистскими организациями, левыми движениями и т. п. (см.: [Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2021а, 2021б]). Происходит прямое калечение детей, фактическое разрушение психики подрастающего и молодого поколения, что крайне негативно влияет на демографию. Вся эта новая античеловеческая идеология пола и семьи и практика ее применения все глубже проникает в западные общества, раскалывая общества, растлевающая подрастающие поколения. При этом влиятельные силы внутри Евросоюза и Северной Америки одобряют нивелирование полов, исчезновение таких важнейших понятий, как «муж» и «жена», «мать» и «отец». Они приветствуют разрушение семьи как значимой культурной и официальной структуры и ее воздействие на общество и отдельных индивидуумов;

не одобряют моногамную гетеросексуальность, выдвигая альтернативные модели [Карлсон 2013]. С момента, как А. Карлсон сказал это, процессы резко усилились.

В истории уже имели место кризисы семьи, в частности в Античности. В своей классической книге 1947 г. «Семья и цивилизация» гарвардский социолог К. Циммерман писал о том, как изменение форм семьи повлияло на судьбы Римской и Греческой империй. Его исторически обоснованный социологический анализ показал, что краху цивилизации предшествуют распады семей, расшатывание сексуальных нравов, рост андрогинности и гомосексуальности [Dreher 2024a].

Антинатуралистская философия и деятельность. Ситуация усугубляется и деятельностью набравших силу различных организаций и движений за ограничение рождаемости. Такие движения под эгидой фонда Рокфеллера и многих других с послевоенного времени активно проводили работу по распространению контрацептивов, пропаганде среди женщин как в западных, так и в развивающихся странах. Эти движения внесли заметный вклад в сокращение рождаемости в мире (но особенно в западных странах). В настоящее время они активно работают в странах Африки, пропагандируя сокращение рождаемости. Чтобы быть объективным в оценке деятельности этих организаций, должен сказать, что до какого-то момента, условно до 1980-х гг., их деятельность (если не брать отдельные негативные моменты) в целом можно рассматривать как позитивную. Действительно, человечество столкнулось с новым явлением, названным демографической революцией, демографическим взрывом, и были серьезные основания опасаться, что ресурсов может не хватить. Мы анализировали эту ситуацию в [Grinin L. *et al.* 2024a: Ch. 5]. Однако в 1980-х гг. стал очевиден тренд на резкое замедление рождаемости в странах Глобального Севера и то, что темпы роста населения на Земле начали замедляться. Несмотря на это, в деятельности данных обществ не произошло радикальной перемены. В итоге их деятельность стала усиливать движение западных обществ к депопуляции. Сегодня, несмотря на то, что рождаемость обвалилась до значений, которые резко ускоряют депопуляцию, они активно продолжают свою антинатуралистскую деятельность, а во многом сливаются с ЛГБТ-движением. Таким образом, эти организации открыто толкают свои и чужие страны в демографическую пропасть.

Все это подрывает основы обществ и постепенно вводит западные общества в состояние социального и политического кризиса, способного сильно изменить их политический ландшафт. Отношение к этим вопросам все сильнее разделяет политические спектры в США, становится причинами культурного, идеологического и правового размежевания штатов в США, мощным источником внутренней миграции и сегрегации населения по признаку отношения к половому воспитанию детей и правоприменению практики смены пола у детей. Это также ослабляет армии этих стран (о сложности найма в армию и флот см.: [Кларк 2024; Venable 2023; Suciú 2024]). Объявленный Д. Трампом поворот к традиционным семейным нормам, который можно при-

ветствовать, тем не менее обострит отношения внутри США и неизбежно вызовет разного рода конфликты.

Нежелание заводить детей является трендом, который с каждым годом становится все отчетливее в США, следует из опроса, проведенного Pew Research Center среди примерно 3300 американцев. При этом в США всего за шесть лет после предыдущего такого опроса (2018 г.) число тех, кто не хочет заводить детей, выросло сразу на 10 %. Хуже того, среди женщин фертильного возраста (которых традиционно считают инициаторами заведения детей) нежелание иметь детей выразили 64 %, в то время как среди мужчин таковых оказалось только 50 % [Серебряный 2024e]. Таким образом, феминизм, возведенный на уровень высшей идеологии, все активнее ведет общество к депопуляции.

Раскол в Мир-Системе по признаку отношения к идеологии пола и семьи. Сказанное позволяет предполагать, что изменение полового и семейного, а также и поколенческого поведения может существенно повлиять на изменения во многих обществах, предугадать которые полностью сегодня невозможно. Но ясно, что это могут быть сильные влияния. Многие из указанных процессов (рост разводов, семей с одним родителем, незарегистрированных пар и др.) идут во всех странах Глобального Севера, включая и РФ (эти процессы развиваются и в Китае). Однако в отношении других, так называемых гендерных процессов поощрения или запрета пропаганды ЛГБТ+ и других важных моментов сегодня, страны начали делиться радикально. Западные страны, за отдельными исключениями вроде Венгрии, по собственной инициативе или под давлением США и глобалистов продолжают развивать изуверскую идеологию пола и, по сути, поддерживают антинатализм.

Россия, Китай, который отказался от политики ограничения рождаемости, хотя и слишком поздно, страны Глобального Юга (последние в силу своих религиозных или традиционалистских оснований) не приемлют современную западную философию пола и семью. Важно отметить, что именно Россия возглавила движение против разрушения, за сохранение и укрепление традиционной семьи и семейных ценностей. И это идеологическое деление сегодня существенно влияет на внешнеполитическую ориентацию стран. Неожиданно Россия стала притягательной для многих, традиционно и консервативно в хорошем смысле слова настроенных, жителей США и Запада. Такой «флаг» поддержки традиционных ценностей может играть в пользу РФ, в том числе в плане соперничества за влияние в исламских и африканских странах, а поддержка ЛГБТ+, напротив, ослабляет позиции США. По этому поводу Э. Страйкер [Striker 2024b] с иронией пишет: «Концепция мягкой силы, популяризованная Джозефом Наем (например: [Nye 1990, 2004; Най 2014]), утверждает, что ключ к американской гегемонии заключается в ее способности внушать повиновение, а не добиваться его путем принуждения. Популярная культура, политические ценности и внешняя политика Соединенных Штатов, по словам Ная, позволяют Америке заставлять народы выполнять ее приказы посред-

ством соблазнения, а не традиционными средствами кнута (войны) или пряника (взятки)». Страйкер иронизирует, заключая, что «в основе теории Ная лежит неопровержимое предположение о том, что во всем мире существует молчаливое большинство людей, которые предпочитают либеральную демократию, ЛГБТ, особую защиту меньшинств, феминизм, мультикультурализм и индивидуалистическую экономику довоенным “сильным богам” национализма, традиций и коллективизма». Впрочем, и сам Дж. Най, по мере ослабления влияния США, начинает изменять свою концепцию в сторону «умной силы», рассматриваемой в форме успешного сочетания инструментов «мягкого» и «жесткого» воздействия, а затем – к концепту «острой силы», воплощающей широкое распространение идей и методов конструирования постправды в условиях современной информационной войны [Русакова, Жакьянова 2022]¹⁹⁵.

6. Поколенческие аспекты. Меньшинства и их роль

Изменение в поведении зумеров и влияние на политику. Сказанное о кризисе семьи, идеологии пола и половых отношений, физическом и нравственном калечении детей и подростков, антинатализме и других проявлениях кризиса – все это может сказаться и сказывается уже неожиданным образом. И особенно наглядно и одновременно неожиданно сказывается на юном и молодом поколениях. Так, избыток порнографии и резкие повороты в половом воспитании существенно повлияли на то, что молодое поколение во многих странах, включая РФ, именуемое в США зумерами, воспитанное на ИТ-технологиях, неожиданно оказалось гораздо менее склонным, чем предшествующие поколения, вступать в близкие отношения с представителями противоположного пола. Это также усугубляет кризис рождаемости в развитых и среднеразвитых странах Глобального Севера. Причем сигналы все тревожнее. Так, вышеуказанный опрос Pew Research Center выявил нарастающее в американском обществе отвращение к детям. И, что хуже всего, чем младше респондент, тем больше он находит причин отказаться от создания полноценной семьи [Серебряный 2024e].

Также стоит проследить влияние технологий на изменения в семейной структуре, поколенческие изменения, взаимоотношения между полами (феминистское движение) и др., что непосредственно или опосредованно влияет на политические пристрастия, итоги голосований и пр. Так, поколенческий аспект влияет на мировоззрение, а это политические взгляды и выборы, которые (особенно если это выборы в США) могут изменить очень многое в мире и мировом порядке.

Например, общепризнано, что влияние на так называемое поколение Z (или зумеров) информационных технологий колоссально, в итоге среди этого

¹⁹⁵ Для теории постправды принципиальное значение имеет не установление истины, а эффективность производимого эмоционального воздействия на общественное сознание (см., например: [Чугров 2017]). О понятиях «мягкая сила», «жесткая сила», «умная сила», «острая сила» и их переосмыслении см.: [Голиней 2023].

поколения усилились пессимизм и «экзистенциальное одиночество» [Серебряный 2024а; Widburg 2024], что ведет к изменению политических взглядов. Пишут и о сильных изменениях у зумеров, также связанных с технологиями и в результате с изменением образа жизни в отношении к собственности, материальным благам и прочему, а также об их инфантильности [Серебряный 2024г], которая снижает их экономическую активность. Все это может существенно влиять на политическую повестку и в США, и в других странах.

Так, есть мнение, что уменьшение живых контактов за счет интернета и виртуальной реальности, а также другие влияния ИТ-технологий привели к тому, что такие расстройства, как депрессия, суицидальные настроения, тревожность и др. наблюдаются у молодежи гораздо чаще, чем у более старших граждан [Серебряный 2024а; Семенов, Акулич 2019; Widburg 2024]. Но также, что это поколение менее экономически активно, что, разумеется, может сильно сказаться на будущем США и других стран.

Каждое новое поколение все более срашивается с ИТ-технологиями. В 2018 г., по данным SGK, количество представителей поколения центениалов, использующих свои смартфоны более 10 часов в день, составило 33 %, от 5 до 9 часов – 32 %, до 4 часов – менее трети (30 %) [Семенов, Акулич 2019]. Специалисты объясняют, что никакое виртуальное общение не может заменить иммерсивное по сугубо биологическим причинам. Только при встрече с живым человеком в организме вырабатываются гормоны, без которых невозможно налаживание межличностных связей. Хотя разрушение внутриспоколенческих социальных связей имеет отдельные позитивные моменты – снижение количества незапланированных беременностей, венерических заболеваний, злоупотребление алкоголем. Но причина этого понятна: все вышеперечисленное относится к социальным порокам – то есть требующим межличностного общения, которого в среде зумеров почти нет [Серебряный 2024а].

«Экзистенциальное одиночество» поколения Z угрожает не только его представителям, но и странам. Прогнозируется, например, что в следующем десятилетии бездетные американцы станут численно доминирующей группой населения [Серебряный 2024а]. Все это меняет приоритеты, стандарты, идеологию, соответственно, сказывается на политических пристрастиях.

Увеличение числа зумеров на рынке труда уже сильно влияет и повлияет еще больше на многие отношения в труде, бизнесе и профессиональной этике. Есть радикальные мнения, что приход поколения Z – хочет оно того сознательно или нет – приведет к полному разрушению сложившейся в XX в. деловой этики, отношения к работе, деньгам, карьере и прочим вещам, на которых столетиями была построена стабильность мировой экономики и общества [Серебряный 2023а]. Разумеется, это преувеличение. Так же говорилось и о молодежи 1960-х, противопоставлявшей себя обществу. Однако это преувеличение имеет под собой немало правды, тем более, что новое поколение входит в общество и рынок труда с новой технологической базой. А одна только удаленная работа, к которой теперь тяготеет все большее количество работающих, очень сильно меняет многие отношения и деловую этику. И для поко-

ления, которое не прошло школу взаимодействия в коллективе, это может быть очень значимым.

Меньшинства и их влияние. Роль меньшинств и рассеянных групп влияния, основанных на определенных связях, в жизни обществ всегда была очень велика. Сегодня они продолжают оказывать политическое и геополитическое влияние. В частности, не секрет, что в мире крупных финансовых потоков, организаций и групп финансисты с еврейскими корнями составляют большой процент. И это этническое единство помогает им лучше организовываться и выработать единый подход в отношении некоторых очень важных вещей.

Меньшинства можно классифицировать по самым разным основаниям. Этнические и религиозные могут быть как притесняемыми, так и напротив – захватывать власть и ключевые позиции в политике, бизнесе, армии, культуре. В июле – августе 2024 г. в Бангладеш началась революция. Политологи говорят, что первопричиной протестов стала правительственная система квот при приеме на госслужбу, дающая преимущества соискателям из семей участников войны за независимость от Пакистана 1971 г. Эти «ветеранские квоты» составляли 30 %. В стране с высокой безработицей молодежь сочла «ветеранские квоты» несправедливыми [Строкань 2024; Болданова 2024]. Если учесть, что с 1971 г. прошло более 50 лет, то очевидно, что не столь многочисленные семьи ветеранов получали чрезмерную долю привилегий.

К сожалению, в настоящем исследовании возможности подробно анализировать важную тему меньшинств нет. Я остановлюсь немного только на аспекте влияния расовых, ЛГБТ- и иных меньшинств в США в плане занятия ими ключевых позиций. А это, как понятно, очень серьезно влияет на геополитику. Правда, к меньшинствам заодно относят и женщин, которые, конечно, меньшинством никак не могут быть названы. Разве только потому, что на руководящих позициях они действительно пока являются меньшинством по сравнению с мужчинами.

Активизация в квотировании мест для указанных меньшинств и стремлении достичь высоких процентов в количестве таких протее на высших позициях и постах, однако, приводит к вытеснению принципа меритократии, которым США ранее гордились по праву (см., например: [Aitken 2024]), принципом «правильной анкеты». Но, главное, это ведет к деградации профессионализма и деловых качеств. А результатом является ухудшение работы внутри и внешнеполитического аппарата страны, аппаратов штатов и графств, падение эффективности бизнеса и т. д.

Согласно докладу известного аналитического центра The Heritage Foundation, применяемая государственным департаментом практика подбора сотрудников на работу по принципу «многообразия, справедливости и инклюзивности» привела к неэффективной деятельности ведомства и тревогам по поводу деловых качеств принимаемых кадровых работников дипломатической службы. «Движимые идеологическими догмами бюрократы в госдепартаменте серьезно подрывают американскую дипломатию, искусственно создавая равные

результаты при найме и кадровых решениях и игнорируя при этом объективные критерии», – сказал телеканалу “Fox News” С. Хэнкинсон, старший научный сотрудник Центра по вопросам пограничной безопасности и иммиграции при Фонде наследия (The Heritage Foundation) и автор доклада.

«Мир сейчас в огне, о чем свидетельствуют конфликты на Украине, в Израиле и вокруг Тайваня. Тем не менее государственный департамент тратит свои ограниченные ресурсы на решение таких вопросов, которые не продвигают американские интересы и не подтверждаются имеющимися данными, – добавил Хэнкинсон, который ранее работал в дипломатической службе США. – Американский народ заслуживает более совершенных кадров» [Aitken 2024]. В главе 2, § 2 я уже приводил мнения о том, что уровень профессионализма дипломатического корпуса США постоянно снижается уже в течение десятилетий. Выше мы видели, что в некоторых штатах США мигрантам дают дорогу больше в бизнесе, чем местным. А мигрантские меньшинства используют кумовство, чтобы продвигать только своих.

То же наблюдается и в системе образования. Так, в сфере высшего образования практически все инженерные стипендии требуют, чтобы претенденты были представителями меньшинств или женщинами. «Решение Верховного суда США об отмене позитивных действий в сфере высшего образования в 2023 г., судя по всему, было направлено на попытку вернуть белых людей в дом для борьбы с Россией, Ираном и Китаем. Как далеко это пойдет на практике, неизвестно, поскольку большинство американских элитных университетов, похоже, идеологически привержены исключению белых людей нееврейского происхождения, а у белых студентов мало юридических ресурсов, к которым они могут получить доступ» [Striker 2024c].

Еще хуже, что эти процессы распространяются и в американской армии, где, вместо того чтобы обучать солдат сражаться, командиры подбирают правильные местоимения, а военные священники благословляют использование трансгендерными солдатами женских душевых и спален [Donnelly 2023]. Обещания Д. Трампа запретить трансгендерам служить в армии может улучшить ситуацию, но не радикально.

7. Изменение электорального состава обществ и его влияние на мировой порядок

Итак, на политические процессы могут оказать влияние самые разные демографические процессы. В частности, изменение или попытки изменения национального состава (роли языка) в каких-то странах также может вести к очень серьезным напряжениям. Пример Балтийских стран с их дискриминацией в отношении русского языка вполне релевантен. Если взять Украину, то попытки украинизировать русскоязычное население и в целом принизить его наряду с другими факторами вызвали такой конфликт как внутри самой Украины, так и в отношениях с РФ, что в итоге мы имеем мощнейший геополитический

разлом в Мир-Системе, где явно идет борьба за изменение баланса сил и роли в мировом порядке, в целом стоит вопрос о возможности его изменения.

В этом разделе мы рассмотрим только два фактора.

Религиозно-демографические процессы. Немало примеров, когда рост пропорций в населении страны ведет к изменению ее политической ориентации, сепаратизму и прочему. Пример Косово показателен в плане того, что различия в уровне рождаемости разных этносов (наряду с другими демографическими процессами) может коренным образом повлиять не только на внутривнутриполитическую ситуацию. Так, в Косово к 1991 г. число албанцев превосходило число сербов в 6–7 раз, тогда как несколько десятилетий назад пропорция была 2,5–3 раза в пользу албанцев. В итоге началась борьба за отделение Косово от Югославии. Это событие стало не только источником гражданской войны, но и одним из очень серьезных вопросов в повестке мирового сообщества и в плане усиления трений между крупными державами.

Сильное влияние на мировые процессы может возникнуть в результате демографических процессов внутри даже сравнительно небольших обществ. Например, всем известно, какое мощное влияние оказывает так называемое израильское лобби в США. Это наглядно видно в отношении жесткой политики правительства США против антиизраильских (пропалестинских) студенческих митингов, но еще более – в обещании Д. Трампа депортировать студентов, выступающих против Израиля. Но внутреннее положение и то, какие политические силы приходят к власти в Израиле, исключительно сильно зависят от их демографических процессов. Благодаря росту численности ультраортодоксов в населении страны усилилась роль и представляющих их ультраортодоксальных партий, благодаря чему кабинет Нетаньяху может держаться у власти и творить геноцид в Газе, что повлияло на позиции демократов. Неудивительно, что даже преданный американским интересам политический обозреватель и политолог Т. Фридман [Friedman 2024] пишет, что израильский премьер-министр Б. Нетаньяху ввел в свой кабинет худших религиозных экстремистов (противопоставляя этому то, что принц Ибн Салман в Саудовской Аравии посадил своих худших экстремистов в тюрьму).

Рост влияния фундаменталистов в целом ведет к усилению раскола и без того расколотого (между левыми и правыми) израильского общества по линии между светской и ультрарелигиозной частями общества. В результате отличительной особенностью Израиля в отношении проблемы расслоения общества все больше становится не социальная структура, а его религиозно-конфессиональный состав [Изаксон 2019]. Но в отличие от право-левого политического раскола религиозное противостояние угрожает самой основе израильской государственности. Идея о растущем расколе становится рефреном в работах аналитиков, статьях политиков и журналистов [Киршенбаум 2011; Изаксон 2019; Кирпиченок 2020; Federman 2023]. Если учесть, что уже сегодня доля ультраортодоксов в еврейском населении Израиля составляет 17 % [Gross 2023] плюс очень большой процент менее строгих ортодоксов и сочувствующих, а также взять во внимание, что совокупный коэффициент рождаемости

у женщин-харедим в три раза выше, чем у нерелигиозных женщин [De Martino, Santini 2023], то станет ясно, что при таких демографических тенденциях доля харедим в населении может вырасти через 30–40 лет до трети, а доля детей-харедим до намного больше половины [Alpher 2023]. С учетом же того, что иудейский фундаментализм проявляется в деятельности ряда организаций и политических партий Израиля, выступающих за организацию всей жизни в государстве в соответствии с религиозными законами иудаизма, неустанно борющихся за «харедизацию» страны [Киршенбаум 2011], становится ясно, как демографические процессы влияют на политические. А политические процессы в одной стране могут влиять на процессы в другой и в целом в мире.

Политический половой диморфизм. Следует подчеркнуть, что с переходом к научно-кибернетическому принципу производства начал формироваться и неэкономический тип отчуждения, когда классово-экономические деления в обществе играют меньшую роль, чем в прежних формациях, а неэкономические признаки (этнорасовые, половозрастные, а теперь и так называемые гендерные) – все более важную [Grinin L., Grinin A. 2023a; Grinin L. *et al.* 2024a; см. также: Преодолевая... 2024: Прил. И]. С развитием так называемого феминизма и прочих женских движений, по сути, стала усиливаться «война полов» в обществе, особенно в американском. В современный период эта «война полов» в США стала приобретать и уже ярко выраженные политические предпочтения. Мужчины более склонны поддерживать республиканцев, а женщины – демократов. Иными словами, мужчины более консервативны, а женщины – более склонны к левым взглядам. В преддверии выборов 2024 г. обсуждение темы политического полового диморфизма в дискурсе США усилилось (см., например: [VandeHei, Allen 2024; Thompson 2024]). «Эксперт» в статье И. Серебряного [2024a] дает анализ такой ситуации. Во-первых, констатируется рост политического размежевания между полами. Так, согласно многолетним социологическим исследованиям, гендерный разрыв в политических предпочтениях уже достиг размеров, угрожающих самому существованию государства. И этот разрыв с каждым электоральным циклом становится шире, тем более что за пост президента в 2016 и 2024 гг. конкурировали в США мужчина и женщина. Во-вторых, некоторые специалисты декларируют, что американское общество уже находится в состоянии латентной гражданской войны, где противостоящие «армии» поделены не по классовому, расовому или религиозному признаку, а согласно полу. История не знает подобных прецедентов. И это верно, не знает.

В-третьих, по мнению завкафедрой политической психологии МГУ Елены Шестопаля, крен американских женщин влево – «это уникальное явление, потому что во все времена во всех странах именно женщины были опорой консервативных, стабильных, рациональных подходов в политике. И это не домыслы, а данные голосований, которые собирались на реальных выборах, в том числе в России. США же происходит феминистская революция, а революции происходят не по правилам» [Там же]. По нашему мнению, феминистская революция в США – это часть более крупной глобалистской революции

[Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2021в, 2022а], так как феминистские движения – часть отрядов глобалистов, которые вместе с движениями ЛГБТ+, цветных и других меньшинств используются для продвижения собственной повестки и расстановки своих людей везде (см. выше о продвижении меньшинств). Но так или иначе феминизм в США очень агрессивный. «Эксперт» [Серебряный 2024б] подчеркивает, что молодые американцы и канадцы заявляют, будто постоянно находятся в ожидании агрессии со стороны феминисток. Согласно январскому 2024 г. исследованию Survey Center on American Life (SCAL), женщины с каждым годом все четче консолидируются на леволиберальном фланге. Именно они составляют основу так называемого woke-движения – гремучей смеси радикального феминизма, «культуры отмены» и «экологического терроризма» [Там же].

В 2024 г. этот фактор не сыграл решающей роли. Тем не менее, очевидно, что такое размежевание делает электоральные выборы менее предсказуемыми и может повлиять на мировой расклад.

Таким образом, демографические изменения: этнорелигиозные в рамках коренного населения, связанные с миграцией и формированием особых этнических общин, преобладание мигрантов и особых групп населения в столицах и крупных городах, старение населения и изменение возрастной пирамиды обществ, изменение взаимоотношений полов, роль так называемых гендеров и представляющих их политических сил и групп и др. могут оказать очень серьезное влияние на электоральные процессы и результаты. В свою очередь электоральные предпочтения формируют политические запросы и политическую повестку (причем не только официальную, но и неофициальную через влияние могущественных финансовых и иных групп). С учетом же влияния США и других крупных западных стран (Евросоюза в целом) на мировой расклад сил и мировой порядок эти демографические процессы могут оказать очень серьезное влияние на Мир-Систему, баланс сил и путь к новому мировому порядку.